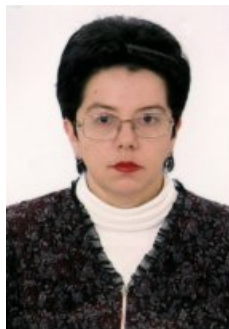

УДК 316.3

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ТРАКТОВОК И РАЗНООБРАЗИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Родионова Валентина Ивановна

Доктор философских наук, доцент,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты, Россия,
e-mail: rodionova.disser@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович

Доктор философских наук, заведующий
кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты, Россия,
e-mail: amrudenko@list.ru

Автор статьи анализирует эволюцию научных интерпретаций понятия и явления «социальная рациональность», показывая, что современная социальная наука направляет вектор исследования к сфере повседневности, где применение процессов рационализации расширяется и начинает связываться с процессами технологизации. Автор уделяет внимание научной аналитике рациональности по

THE FORMATION OF SCIENTIFIC UNDERSTANDING AND DIVERSITY OF INTERPRETATIONS OF SOCIAL RATIONALITY

Valentina I. Rodionova

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Institute of Entrepreneurship and Service,
Sector (branch) of Don State Technical
University in Shakhty, Russia,
e-mail: rodionova.disser@mail.ru

Andrey M. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy,
History and World Religions,
Institute of Entrepreneurship
and Service sector (branch)
Don State Technical University in Shakhty,
Russia,
e-mail: amrudenko@list.ru

The authors of the article analyze the evolution of scientific interpretations of the concept and phenomenon of «social rationality», showing that modern social science directs the vector of the research to the sphere of everyday life, where the application of processes of rationalization is expanded and begins to contact the processes of technification. The authors pay special attention to the scientific dimension of

отношению к сферам жизни общества.

rationality in various spheres of the society.

Ключевые слова: социальная философия, научная рациональность, социальная рациональность, технологизация.

Keywords: social philosophy, scientific rationality, social rationality, technologization.

Введение

В настоящее время, когда современное общество находится в непрерывном поиске оптимальной стратегии своего развития, вопросы рациональной организации общественного устройства выходят на первый план. Поэтому социальная рациональность выступает предметом анализа социальных и гуманитарных наук. А интерпретация рациональности в истории развития общества и культуры – это результат рефлексии над данным феноменом. Думается, что рациональность как способ гармонизации научно-технического и социокультурного пространства исторически видоизменялась по своему содержанию и функциям. Долгое время наука отдавала приоритеты научной рациональности как эталону познания. Анализ модусов рациональности является актуальной задачей для современной социальной науки, поэтому рассмотрение соотношения научной и социальной рациональности. С развитием научно-технического прогресса и внедрением в производство и сферы повседневной жизни достижений науки и техники в научной рефлексии социальной философии появляется такая категория, как «научная рациональность». В науке под рациональностью понимают совокупность правил, норм, образцов научно-познавательной деятельности, обеспечивающих научную истинность результата познания, а также отличающихся строгими способами доказательств. Также следует отметить, что вплоть до XX в. научная рациональность развивалась и коррелировала с нуждами технического прогресса, часто не принимая во внимание культурно-ценностный аспект. На этой почве проблема рациональности вызывала немало научных споров и дискуссий. В результате осмысление данной проблемы привело к формированию двух течений, противоположных в своих взглядах относительно данной категории, – это сциентизм и антисциентизм. Сциентизм, ярчайшими представителями которого являются О. Конт, Г. Спенсер, Л. Витгенштейн и другие, провозглашает наивысшей ценностью науку и с воодушевлением приветствует все достижения научного прогресса. Представители данного течения сходились во мнении, что знание – это наивысшая культурная ценность, а наука является важной сферой жизни общества. Однако Л. Витгенштейн уже делает

шаг навстречу социальной рациональности. Он изучает социальные практики в сопряжении с языком, речью, т. е. тем, что сопровождает повседневность индивида. В его трудах эта проблема затрагивается, но фактически отдельных работ данного ученого, посвященных собственно социальным практикам, нет. Несмотря на это, многие философы, занимающиеся проблемой воспроизводства социального, используют его идею о том, что язык – лингвистическая форма воспроизводства социальных практик повседневности.

Кардинально противоположным сциентизму направлением является антисциентизм. Данное направление представлено такими выдающимися личностями, как Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль. В рамках данного течения акцент делается на вненаучных способах постижения действительности, на спонтанности человеческого поведения и вторичности рассудка. Подчеркивая критическое отношение к науке, антисциентисты указывают на простую истину, что, несмотря на многочисленные достижения науки и технического прогресса, общество не стало жить благополучнее, наоборот, оно стоит перед множеством опасностей, истоки которых кроются в результатах самой науки и применении научных достижений. Исследователей начинает интересовать пребывание рациональности в повседневных практиках социального бытия.

Объектом исследования в данной статье является социальная рациональность посредством рассмотрения интерпретаций содержания данного явления в связи с научной рациональностью.

Предметом исследования выступают аспекты, уточняющие современный объем и содержание понятия «социальная рациональность», получившего новое развитие в современных условиях.

Целью данной статьи является анализ групп интерпретаций **социальной рациональности** в различных областях жизни общества.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- уяснить, как соотносятся научная и социальная рациональности;
- определить, какие ограничения рациональности были открыты в сфере экономики в результате анализа путей поиска новых стратегий эффективности;
- показать результаты рефлексии связи инструментальной и коммуникативной рациональностей в западной мысли XX в.;
- ознакомиться с отечественными интерпретациями социальной рациональности в современной социальной философии и социологии;

– представить путем анализа интерпретаций связь процессов технологизации и рационализации в современном обществе.

Степень разработанности проблемы

Проблема социальной рациональности стала активно обсуждаться в научной литературе в результате поворота рефлексии социальной мысли по отношению повседневного бытия социального субъекта. Проблему социальной рациональности разрабатывали В.Е. Боборыкин [2], Б. Вальденфельс [3], В.А. Лекторский [5], Д.В. Лозина [6], Ф.Н. Нагой [8], В.В. Попов [9], В.Н. Порус [10], В.М. Розин [12], Г. Саймон [13], Б.С. Сивирин [15], М.Г. Чеснокова [21], В.Г. Федотова [16] и др. Вместе с тем какие-либо особые работы, посвященные связи рационализации и технологизации, не существуют. Считаем уместным рассмотреть движение научной рефлексии по поводу социальной рациональности.

Научная и социальная рациональность

Как уже было отмечено выше, до XX в. развитие научной рациональности происходило по траектории развития технической мысли. Поэтому первые попытки рационализации общественных отношений осуществлялись по схеме именно такой научной рациональности, с применением ее эталонов. Так, Г. Гегель, которого в философии причисляют к панлогистам, рассматривал историю как прикладную логику, абсолютизировал упорядоченность и не придавал значения случайностям, считая, что они существенно не влияют на ход истории. Но на этом фоне возникло неразрешимое «противоречие между постулатом о способности индивида разумно строить свой мир и реальной практикой индивидуальной и общественной жизни» [2, с. 97]. Сегодня оно усложнилось в связи с возникновением множества социальных практик в повседневной жизни индивида.

Анализ событий XX в., носивших деструктивный характер, отчетливо показал, что развитие рациональности, оторванной от ценностного контекста, приводит к разложению культурных смыслов и потере человеком своей идентичности [4, 17]. Установки на рациональность и желания переустроить общество по принципу слаженного механизма оказалось недостаточно, чтобы «понять весь спектр человеческих чувств и общественных явлений, справиться со всей мощью иррационального. Апелляция к разуму привела к пониманию его бессилия, этический иррационализм стал реакцией на неудачи разума» [3, с. 114]. Абсолютизация научной рациональности отражала возведение в ранг эталона объективности окружающего мира и одновременно иг-

норирование личностных смыслов мира субъекта. Данная проблема назрела и особо остро потребовала разрешения перед обществознанием XX в. Современная социальная наука уже адаптировалась к создавшейся ситуации и стала нормально воспринимать примирение объект-субъектной антиномии и обсуждение этого вопроса. Однако есть и оригинальные трактовки социальной рациональности.

Социальная рациональность: ограничена или нет

В силу объективно сложившихся обстоятельств научная рациональность испытала ряд ограничений во многих сферах жизнедеятельности человека, среди которых следует выделить экономику. Одним из тех, кто развивает данный вопрос и начинает его подробный анализ, был Г. Саймон. Основное место в его исследовании занял вопрос выбора и принятия рационального экономического решения. При этом он утверждал, что «...следует принимать в расчет не только рациональность выбора, т.е. степень адекватности выбранных решений, но и рациональность процедур, то есть эффективность (в пределах человеческих когнитивных возможностей и ограничений) процедур...» [13, с. 27]. В качестве человеческих когнитивных ограничений он выделил интеллект и внимание. Кроме того, в качестве фактора, определяющего степень успеха того или иного решения, Г. Саймон парадоксальным образом в поиске рациональных смыслов находит те ограничения, которые приводят ученого к мысли о том, что нерациональные моменты могут давать эффекты в экономических процессах, в продажах. Теория ученого базируется на установке, что как люди в отдельности, так и общество в целом не рациональны полностью, в классическом понимании, а ограничено рациональны, т. е. не могут всегда принимать верные решения исходя исключительно из рационального расчета. Чаще всего люди действуют импульсивно, иногда – во вред себе, часто – вслепую. Поэтому для более адекватного отражения социальных процессов, например, описания того, как разрабатываются и внедряются в общественную жизнь социальные технологии, требуется обращение к социокультурному (ценностно-мотивационному) контексту, способному объяснить закономерности принятия людьми тех или иных решений (помимо объяснения унифицированных правил действия и нормативных систем, которые часто рассматривают в виде социального каркаса или институционального скелета общества).

Таким образом, в ряде научных работ появляются интерпретации ограниченности применения научной рациональности для объяснения социальных явлений. Исследователи все больше акцентируют внимание

на специфике рациональности в социальной сфере. Современное понимание природы рациональности обогатилось идеей коммуникативной рациональности, акцентирующей внимание на процессе общения.

Привлекательна в этом плане работа Б. Вальденфельса, который определяет рациональность через понятие «сплава тигля» рациональности. В то же время повседневность не может существовать без рациональных основ жизни, рационализации и дополняющей ее технологизации. Но рациональность, по Б. Вальденфельсу, «иссушает» живую линию жизни, он настаивает на трактовке инструментальной рациональности как той, которая ограничивает повседневные формы общественной жизни. Он пишет, что рациональность надо понимать в широком смысле как ту, что воплощает себя в смысловые, повторяющиеся, рассудочные взаимосвязи, они существуют в различных стилях рациональности. Он пишет: «Эта плюрализация рациональности приводит к тому, что бесконечному количеству форм иррациональности противостоит не одна всеохватывающая форма рациональности, а специфичные, изменяющиеся формы рациональности вместе с противостоящими им специфичными формами иррациональности отделяются от других форм рациональности» [3, с. 27]. Это верное во многом замечание. Во многих сферах жизни общества сегодня наблюдаем антинормичный контент, соотносящий как рациональные, так и иррациональные формы, например, в социальных практиках обслуживания.

Инструментальная и коммуникативная рациональность: шаткое равновесие

Современная философия, или философия XX в., раскрывает и реализует идеи технологизации смысла. Для понимания социальной рациональности ее необходимо связывать с возможностями, которые содержит коммуникативный разум. Ученые утверждают, что технологизация социальных практик может нарушать соотношение инструментальной и коммуникативной рациональности [11, с. 8].

Модификация «коммуникативный разум» указывает на то, что рациональность связана уже не только с наукой и разумом как инструментом познания, а и с социальными феноменами бытия индивида, повседневностью коммуникативных социальных практик. Коммуникативная рациональность может включать социальные действия, взаимодействия через языковые социальные практики, куда каждый индивид вносит смыслы и постигает их значение для себя. Коммуникативная рациональность индивидов выходит за пределы субъектности в рутинные практики и имеет демонстрационный эффект для других социаль-

ных субъектов. Ю. Хабермас выявляет следующее противоречие: с одной стороны, развивается модернизация общества, претендующая на рациональность, с другой – наблюдаемые социальные последствия модернизации оказываются далеко не рациональными. Он выделяет следующие компоненты: субъект – источник смыслов; внешний объективный мир; совокупность социальных отношений; глубинные субъективные миры переживаний [18, с. 45]. Идеи философа привели нас к выводу о том, что технологизация нарушает и без того хрупкое равновесие инструментальной и коммуникативной рациональности. Социальные практики рационализированного типа не всегда могут сработать, требуют дополнений технологизации. Целенаправленное рациональное действие может выступать основой воспроизводства жизни и реализовываться через отношения индивидуального самосохранения.

Постепенно идет смещение акцентов от научной рациональности к ее другим историческим разновидностям, одна из которых – социальная рациональность. Она может выступить основанием для осмысления социальных патологий общества.

Отечественные интерпретации социальной рациональности

Отечественные исследователи предлагают современные интерпретации социальной рациональности, подчеркивая ее технологическое состояние и назначение в современной культуре общества. Речь идет о технологизации социальных практик. Можно сказать, что технологизация социальных практик сделала общество зависимым от активного вмешательства в его структуры и процессы. Возник совершенно неизвестный прежде феномен, именуемый социальной работой, т. е. деятельностью, изменяющей прежние практики, основанные на естественной солидарности. «Итак, человек нашей культуры, реализуя себя как личность, тем не менее обусловлен в социальном отношении, причем двояко. С одной стороны, он обусловлен фундаментальными дискурсами, навязывающими ему реальность и сценарии поведения, с другой – практиками, предоставляющими ему социальные услуги» [5, с. 217]. Термин «технологизация» активно используется в литературе по социальным технологиям, при обсуждении алгоритмов деятельности с клиентами социальных услуг, сервисе. Технологизации подвержены сферы общества, где есть два критерия; либо сфера нуждается в оптимизации и получении экономических и культурных эффектов путем введения особых социальных практик и повышения управленческих и манипулятивных возможностей воздействия на социальные практики индивидов или социальных групп со стороны социальных

институтов, либо этот критерий – разрушение социальной среды, ее кризисное состояние. Поэтому мы считаем целесообразным, наряду с социально-культурными практиками потребления в сервисе, рассмотреть технологизацию социальных практик в социальной работе в России в связи с обнаружившимися социальными патологиями. Трансформации российского общества состоят в том, что социальные изменения обусловлены процессами глобализации, изменениями в стратификации общества, ослаблением работы социальных институтов и норм социального действия индивида. В наши дни Россия претерпевает значительные изменения: сложно функционируют все социальные системы, трансформируются ценности, изменяются формы жизнеустройства, наблюдаются сложные явления, нарушающие жизнь социума. Впервые в обществе столь остро проявляется состояние аномии, кризиса норм и ценностей, наблюдается потеря возможностей для идентификации личности в социуме.

Технологизация и рационализация: союз или противостояние?

Как же связаны процессы рационализации и технологизации? Речь идет о трансформации современного состояния рационализации. По нашему мнению, технологизированный мир становится миром инструментальной рациональности, которую теоретики XIX–XX вв. анализировали преимущественно с объективистской точки зрения. В середине XX в. содержательный смысл преодолевает антиномию субъективизма и объективизма, и социальная рациональность начинает приобретать смысловые, ценностные и телеологические контексты.

Исследованию различных видов рациональности было посвящено множество научных работ в области социальной философии, социологии, социальной психологии. Так, исследователь А.И. Ракитов интерпретировал социальную рациональность как «систему замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально осмысленных целей» [7, с. 17]. Другие ученые определяют исследуемое понятие так: «социальная рациональность как способ функционирования социальных систем, необходимым элементом которых является логика, способность к самореференции и саморегуляции» [6, с. 4].

Постнеклассическая наука представляет три наиболее важных условия, которым должна отвечать социальная рациональность: во-первых, рациональное значит логически обоснованное; во-вторых, в основе рационального поведения лежит закон, либо правило, либо це-

лесообразность; в-третьих, рациональное значит эффективное. Следовательно, социальная рациональность представляет собой особую форму связи цели и средств достижения цели, т. е. максимально эффективный способ достижения цели. Основной задачей социальной рациональности является рационализация содержания жизни общества с целью устранения негативных явлений в социуме. Примером негативных явлений в социуме является массовая стандартизация в различных сферах жизнедеятельности, которая может повлечь за собой деструктивные последствия для общества, а также некоторые последствия технологизации. В данном контексте мы полностью солидарны с мнением известного в истории мысли общественного деятеля П.Б. Струве, который говорил, что полная рационализация всех процессов, совершающихся в обществе, усыпляет человеческую совесть и делает людей орудиями некоего абстрактного коллективного разума, лишая их автономной воли. Ярчайшим примером негативных последствий полной рационализации общества могут послужить идеи романа-антиутопии Е. Замятина «Мы», где показано полное подавление личности, человеческих чувств, свободы и стремлений, совести и морали, приведшее к гибели всего культурно-исторического наследия. Подобным образом мыслил и философ Н.А. Бердяев. Его высказывания относительно несовместимости свободы и рациональности звучали довольно резко: «Свобода не терпит ни определяемости бытием, ни определяемости разумом» [1]. При этом и Н. Бердяев, и П. Струве подчеркивали необходимость рационального общественного самоограничения в целях воплощения идеи государства и сохранения общественного правопорядка.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ соотношения научной и социальной рациональности указывает на то, что рациональность является значимым и актуальным в воспроизводимых отношениях человека и общества современности. Долгое время рациональность развивалась в лоне науки и называлась научной рациональностью. Однако деструктивные события начала XX в. заставили пересмотреть подход к дефиниции данного понятия, что привело к выделению новой рациональности, а именно социальной. В настоящее время существует множество интерпретаций данного понятия. Однако статус понятия «социальная рациональность» по сравнению с его научной модификацией утверждается медленно. Несомненно, авторитет научной рациональности в жизни общества по-прежнему велик. Он дополняется современ-

ными производными рациональностями, ставшими отражением разнообразия и значимости сфер и социальной жизни. Авторы полагают, что культура рациональности, рассматриваемая в контексте духовных ценностей, а также проникнутая духом ответственности и самокритичности, является жизненно необходимым компонентом культуры общества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
2. Боборыкин В.Е. Феномен рациональности в жизнедеятельности человека // Вестник СевНТУ. 2012. № 126. С. 131–134.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М. : Прогресс, 1991.
4. Воденко К.В. Генезис и легитимизация новоевропейской науки: роль мировоззренческих трансформаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 48–52.
5. Лекторский В.А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29, № 3. С. 35–48.
6. Лозина Д.В. Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса // Вестник Тверского государственного ун-та. 2008. № 12 (философия). С. 92–96.
7. Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное философская проблема (читая А. Шопенгауэра) // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 32–40.
8. Нагой Ф.Н. Проблема соотношения реальности и рациональности в современном социально-философском знании // Грамота. 2015. № 7 (57). С. 112–115.
9. Попов В.В. Теории рационального выбора // Научная рациональность и структуры повседневности. СПб., 1999.
10. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М. : Ун-т Российской академии образования, 2002. 352 с.
11. Родионова В.И. Социальные практики и формы рациональности в современных процессах воспроизводства социального // Современный мир: философский, политиче-

References

1. N.A. Berdyaev. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. M., 1995.
2. V.E. Boborykin. Fenomen ratsional'nosti v zhiznedeyatel'nosti cheloveka // Visnik SevNTU. 2012. № 126. P. 131–134.
3. B. Val'denfel's. Povsednevnost' kak plavil'nyy tigl' ratsional'nosti. M. : Progress, 1991.
4. K.V. Vodenko. Genezis i legitimizatsiya novoevropeyskoy nauki: rol' mirovozzrencheskikh transformatsiy // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2009. № 2. P. 48–52.
5. V.A. Lektorskiy. Ratsional'nost', sotsial'nye tekhnologii i sud'ba cheloveka // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2011. T. 29, № 3. P. 35–48.
6. D.V. Lozina. Kontseptsiya kommunikativnoy ratsional'nosti Yu. Khabermasa // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo un-ta. 2008. № 12 (filosofiya). P. 92–96.
7. N.S. Mudragey. Ratsional'noe i irratsional'noe filosofskaya problema (chitaya A. Shopengauera) // Voprosy filosofii. 1994. № 9. P. 32–40.
8. F.N. Nagoy. Problema sootnosheniya real'nosti i ratsional'nosti v sovremennom sotsial'no-filosofskom znanii // Gramota. 2015. № 7 (57). P. 112–115.
9. V.V. Popov. Teorii ratsional'nogo vybora // Nauchnaya ratsional'nost' i struktury povsednevnosti. SPb., 1999.
10. V.N. Porus. Ratsional'nost'. Nauka. Kul'tura. M.: Un-t Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2002. 352 p.
11. V.I. Rodionova. Sotsial'nye praktiki i formy ratsional'nosti v sovremennykh protsessakh vosproizvodstva sotsial'nogo // Sovremennyy mir: filosofskiy, politicheskiy i

ский и социальный взгляд через призму социальных практик. Ставрополь : Кавказский край, 2009. С. 6–28.

12. *Розин В.М.* Понятие и современные концепции техники. М., 2006.

13. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. № 3. С. 16–38.

14. *Сёрль Д.* Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

15. *Сивиринов Б.С.* Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.

16. *Федотова В.Г.* Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 45–54.

17. *Философия науки : учеб. пособие для вузов / Е.Ю. Положенкова, В.И. Родионова, К.В. Воденко, В.В. Котлярова; отв. ред. Е.Ю. Положенкова.* Шахты : ЮРГУЭС, 2010.

18. *Фирсов М.В., Студенов Е.Г.* Теория социальной работы. М. : ВЛАДОС, 2001. 432 с.

19. *Фурс В.Н.* Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm (дата обращения: 09.11.2010).

20. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского ун-та. Серия 7 : Философия. 1993. № 4. С. 45–52.

21. *Чеснокова М.Г.* О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник МГПУ. 2012. № 1 (5). С. 95–106.

sotsial'nyy vzglyad cherez prizmu sotsial'nykh praktik. Stavropol' : Kavkazskiy kray, 2009. P. 6–28.

12. *V.M. Rozin.* Ponyatie i sovremennye kontseptsii tekhniki. M., 2006.

13. *G. Saymon.* Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya // Thesis. 1993. № 3. P. 16–38.

14. *D. Serl'.* Ratsional'nost' v deystvii / per. s angl. A. Kolodiya, E. Rummyantsevoy. M. : Progress-Traditsiya, 2004.

15. *B.S. Sivirinov.* Sotsial'naya ratsional'nost' kak komponent sotsial'noy perspektivy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. № 4. P. 3–12.

16. *Fedotova V.G.* Klassicheskoe i neklassicheskoe v sotsial'nom poznanii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1992. № 4. P. 45–54.

17. *Filosofiya nauki : ucheb. posobie dlya vuzov / E.Yu. Polozhenkova, V.I. Rodionova, K.V. Vodenko, V.V. Kotlyarova; отв. red. E.Yu. Polozhenkova.* Shakhty : YuRGUES, 2010.

18. *M.V. Firsov, E.G. Studenov.* Teoriya sotsial'noy raboty. M. : VLADOS, 2001. 432 p.

19. *Furs V.N.* Polemika Khabermasa i Fuko i ideya kriticheskoy sotsial'noy teorii [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm (data obrashcheniya: 09.11.2010).

20. *Yu. Khabermas.* Teoriya kommunikativnogo deystviya // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 7 : Filosofiya. 1993. № 4. P. 45–52.

21. *M.G. Chesnokova.* O sotsiokul'turnykh osnovaniyakh tipov ratsional'nosti // Vestnik MGPU. 2012. № 1 (5). P. 95–106.

Поступила в редакцию

27 декабря 2016г.